

Дерзус
СМОЛА

Бернрис
СМОЛА

Царица
Пальмиры

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»
Bertrice Small
BELOVED

Перевод с английского
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.,
и литературного агентства Nova Littera Ltd.

Смолл, Бертрис.

С 51 Царица Пальмиры : [роман : перевод с английского] /
Бертрис Смолл. — Москва : АСТ, 2015. — 480 с. — (Гарем
Бертрис Смолл).

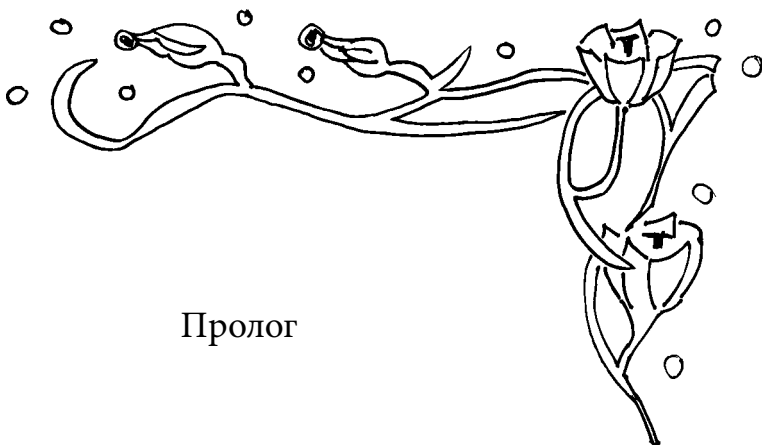
ISBN 978-5-17-089698-1

Действие романа разворачивается в III веке в Римской империи. Красавица Зенобия, царица Пальмиры, властительница Востока, борется за власть с римским императором Аврелианом и, побежденная, вынуждена покориться ему. Развратный император преследует ее своей жестокой и мстительной любовью. Пройдя сквозь страшные испытания, многое пережив, Зенобия находит счастье с Марком Александром Британном, своей давней и единственной любовью.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-089698-1

© Bertrice Small, 1983
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Ночь была черная и жаркая. Даже самый легчайший ветерок не шевелил листья великолепных высоких финиковых пальм. Небо цвета оникса было усыпано звездами, сверкавшими подобно бриллиантам. Вокруг стояла тишина, словно сама земля в нерешительности чего-то ждала. В предместье великого города-оазиса Пальмиры* стоял на отшибе дом известного военачальника племени бедави, Забаая бен Селима. Там, внутри, мучилась в родах женщина, пытаясь произвести на свет ребенка.

Ее стройное белое тело, мокрое от пота из-за огромных усилий и непереносимой летней жары, напряглось в родовых муках. Она переносила мучения молча и не кричала. Ведь кричать, по ее мнению, значило бы проявить слабость характера, а ведь она покорила Забаая вовсе не слабостью.

В полубредовом состоянии она вспомнила тот день, когда впервые увидела его. В тот раз он приехал в дом ее отца в Александрии и по ошибке забрел в сад на женской половине дворца. Их взгляды встретились, и ее прелестные серо-голубые глаза широко раскрылись под неистовым взглядом его черных глаз. Ее нежные розовые губы чуть приоткрылись от неожиданности, а

* Пальмира (Пальмовый город) — крупный центр караванной торговли в Северо-Восточной Сирии. С I в. находилась в сфере римского владычества. — *Здесь и далее примеч. пер.*

юная грудь, вздымавшаяся от нахлынувших на нее чувств, о существовании которых она прежде и не подозревала, возбуждала его страсть. Ни слова не было сказано между ними. Он даже не спросил, как ее зовут. Он стал действовать: нашел выход из сада, разыскал ее отца и попросил ее руки. Это было величайшей дерзостью с его стороны, ведь ее отец — не только один из богатейших людей Александрии, но и прямой потомок последней великой царицы Египта, Клеопатры.

Симон Тит в свойственной римлянам манере дал своей дочери свободу выбора. Он спросил, чего она желает. А она желала Забаая бен Селима, этого человека из пустыни, с его ястребиным лицом и пронзительными черными глазами, который за один лишь миг пленил ее душу. Ну и пусть он старше ее на двадцать два года, пусть у него есть уже законная жена и несколько наложниц. Ей нет дела до того, что ребенок, которого она подарит ему, будет занимать менее важное положение по линии наследства. Ничто не имело для нее значения, кроме любви к этому удивительному человеку. Поэту Симон Тит нехотя дал свое согласие.

Через месяц они поженились, и она покинула александрийский дом своего отца с его утонченным комфортом, чтобы вести жизнь, которая вынуждала ее первую половину года скитаться по сирийским пустыням, а следующую половину отдыхать в прекрасной Пальмире. Таков обычай бедави — проводить жаркое лето в Пальмире. Частью приданого стал изящный дом с садом на окраине города.

Ужасающая боль, никогда ранее не испытываемая, пронзила все тело, и она прикусила губу. Скоро все кончится, ее дитя наконец появится на свет.

Старшая жена Забаая, Тамар, велела ей тужиться, и она так и делала.

— Тужься, Ирис! Тужься, тужься! — подбадривала ее Тамар.

— А-и-и-и-и-и-й! — в один голос крикнули остальные женщины, когда ребенок показался между ног матери.

— Тужься!

— А я что делаю? — огрызнулась на старшую жену Ирис.

— Тогда тужься сильнее! — не давала ей снисхождения Тамар. — Ведь ребенок вышел только наполовину, Ирис. Ты снова должна поднатужиться.

Скрипя зубами, Ирис стала неистово тужиться и вдруг почувствовала, как что-то влажное и теплое выскальзывает из ее тела, словно опустошая его, и боль каким-то сверхъестественным образом начинает утихать.

Тамар подхватила ребенка и, подняв его, объявила:

6 — Это девочка!

Потом передала малышку другой женщине и толкнула Ирис обратно на родильный стул.

— Должен выйти послед. Только тогда все закончится. Поднатужься еще один раз — и он выйдет.

— Я хочу видеть свою дочь!

— Пусть сначала Ребекка обмоет ее. Ты, как всегда, слишком нетерпелива, — бранила ее Тамар.

В то же время Тамар понимала, что чувствует мать в первый раз — и не только в первый раз, но и всегда.

Через несколько минут Ирис обтерли губкой, смоченной прохладной розовой водой, и надели на нее простую белую ночную рубашку. Малышку, которая громко закричала сразу после рождения, аккуратно запеленали и вручили матери.

Тамар взглянула на одну из женщин и резко скомандовала:

— Приведите моего господина Забаая!

Ей повиновались, как главной жене, и относились к ней со страхом и почтением. Именно ее сын, Акбар, должен в будущем принять на себя руководство всем племенем.

Глядя сверху вниз на Ирис, Тамар думала о том, как она прекрасна со своей молочно-белой кожей, светло-пепельными волосами и серо-голубыми глазами! Она так не похожа на других! Эту женщину Забаай не только любил, он, кроме того, мог подолгу разговаривать с ней.

Забаай вошел в комнату. Это был мужчина среднего роста и крепкого телосложения. Темные яркие глаза, черные волосы и бороду еще не тронула седина, несмотря на то что ему минуло уже сорок три года, прекрасное лицо с резкими чертами, будто высеченными из мрамора, с высокими скулами и ястребиным носом, губы полные и чувственные — Забаай был красивым мужчиной.

Его появление заставило всех женщин, кроме Тамар и Ирис, броситься на колени. Он взглянул на двух своих жен, и выражение его черных глаз смягчилось. Он любил их обеих — Тамар, спутницу своей молодости, и Ирис, утешение в старости. Другие женщины давали ему разнообразие и преходящие удовольствия, но этих двух он ценил.

— Боги осчастливили тебя дочерью, мой господин! — сказала Тамар.

— Дочерью?

Он удивился.

— Да, мой господин, дочерью!

Стоявшие на коленях женщины с лукавством посмотрели друг на друга, а те из них, что были злобны и ревнивы, с трудом сдерживались, чтобы не выдать свою радость.

Они — матери сыновей, а единственное, на что способна эта александрийская сука, — всего лишь произвести на свет дочь! Они ожидали справедливого гнева своего господина и полагали, что он откажется от этого отродья и прикажет бросить ее на произвол судьбы.

Но на его лице появилась улыбка, и он расхохотался.

— Ирис! Ирис! — воскликнул он, и его глубокий голос потеплел, выражая одобрение. — Ты снова сделала то, чего от тебя не ожидали, и подарила дочь! Спасибо тебе, моя прекрасная жена! Спасибо тебе!

Преклонившие колени женщины были ошеломлены. Ее похвалили за то, что она родила дочь! Но ведь все мужчины хотели иметь сыновей, и чем больше, тем лучше. И Забаай не исключение. Он гордился своими тридцатью пятью сыновьями, даже помнил имя и возраст каждого из них. Однако женщины все поняли: он так любит ее и поэтому готов простить ей все. Они смиренно вздохнули.

Ирис засмеялась, и ее тихий смех был полон озорного веселья.

— А разве я когда-нибудь делала то, чего от меня ждали, мой господин? — спросила она.

Его черные глаза смеялись ей в ответ. Бросив взгляд на остальных женщин, Забаай коротко приказал:

— Оставьте нас!

— Но только не Тамар, мой господин!

Ирис не хотела обижать Тамар, которая так добра к ней. Она не забывала: если Забаай умрет, то ее судьба и судьба ее дочери будут в руках старшего сына Тамар, Акбара.

Забаай наклонился, чтобы взглянуть на свою новорожденную дочь. Привыкший к крупным младенцам — мальчикам, он испытал нечто вроде благоговения при виде нежной крошечной девочки, отцом которой он был. Младенец спал, но изящные томные ресницы слегка трепетали на бледно-золотистой коже. Темные волосы девочки казались маленьким пучком пуха над ее красиво очерченной головой. Несмотря на дремоту, ее крошечные ручки двигались с трепетной неутомимостью, а тоненькие пальчики очаровывали его своими прозрачными миниатюрными ноготками. Он прекрасно знал, как нужно вести себя с сыном, но не знал наверняка, как следует обращаться с дочерью. Этот ребенок — единственный из всех его детей, рожденный от великой любви, которую он испытывал к его матери.

Подняв глаза, он заметил:

— Она очень маленькая!

8 Ирис и Тамар рассмеялись.

— Девочки при рождении обычно бывают меньше мальчиков, мой господин, — сказала Тамар.

— Ох!

Он чувствовал, что ведет себя немного глупо, но ведь это его первая дочь!

— Где халдей? — спросил он, внезапно вспомнив о чем-то.

— Здесь, господин!

Из темного угла комнаты неожиданно появилась сгорбленная фигура старца с острыми глазками и длинной белой, как снег, бородой. Он был одет в темную, струящуюся мантию, украшенную звездами и лунами, вышитыми серебряной нитью. Старик низко поклонился, и у Ирис захватило дыхание. Ей показалось, что сидевший на его голове немного набок тюрбан вот-вот упадет прямо на подол ее рубашки. Но он так и не упал.

— Отметил ли ты на небесах точный момент рождения этого ребенка, халдей?

— Да, отметил, мой господин Забаай! В тот самый момент, когда дочь выскользнула из лона своей матери, небесные тела Венера и Марс встретились и соединились. Никогда еще не видел я столь благоприятных знаков. Это предвещает для нее великие события!

— Какие великие события, халдей?

— Все откроется в полном гороскопе ее рождения, мой господин, а сейчас могу лишь сказать, что твоя дочь добьется успеха и в любви, и на войне, ибо боги, как я вижу, уже возлюбили ее.

Забаай удовлетворенно кивнул. Халдей был самым уважаемым астрологом на Востоке. Он славился не только точностью своих предсказаний, но также и честностью.

Когда старик, пятясь, вышел из комнаты, Забаай взглянул на молодую жену с огромной любовью.

— Как же мне вознаградить тебя, моя любовь, за это изумительное дитя? — спросил он.

— Позволь мне дать ей имя, мой господин! — ответила Ирис.

— Очень хорошо! — согласился он, довольный.

Другая женщина на ее месте попросила бы у него драгоценности. Тамар не смогла сдержать любопытство:

— Как же ты назовешь ее?

— Зенобия, — последовал ответ. — Та, которой дал жизнь Юпитер.

— Зенобия... — размышлял Забаай. — Это хорошее имя!

— А теперь ты должна отдохнуть. — Тамар забрала у Ирис младенца. — Пусть твоя Баб присмотрит за Зенобией, пока ты будешь спать.

Ирис кивнула. Теперь, когда возбуждение, вызванное родами, уже позади, она начинала чувствовать сонливость. Забаай поднялся, наклонившись на мгновение, чтобы поцеловать свою молодую жену, а потом вместе с Тамар вышел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Ирис вздохнула и очень осторожно потянулась, чтобы найти более удобную позу. Как прекрасно ее дитя! Завтра она принесет в жертву ягненка в храме Юпитера, чтобы поблагодарить его за дочь. Ее заинтересовали предсказания халдея, но она не до конца поняла их. Потом, когда ее начал охватывать сон, беспокойство постепенно исчезло. Какое все это имеет значение, раз Зенобия благословенна и находится под покровительством?

— Пусть боги будут благосклонны к тебе на протяжении всей твоей жизни, доченька моя! — нежно прошептала Ирис и заснула.

Часть I ДЕВОЧКА

Глава I

— **С** днем рождения, Зенобия!

Зенобия бат Забаай, которой исполнилось шесть лет, счастливо засмеялась в ответ на поздравление своей семьи. Она была прелестным ребенком — высокая для своего возраста, с длинными непокорными темными волосами, которые ее мать уложила красивыми локонами ради такого торжественного случая, и блестящими серебристо-серыми глазами. Ее незамысловато задрапированная белая туника с поясом из голубого шелкового шнура оттеняла ее светло-золотистую кожу.

Забаай бен Селим подхватил свою единственную дочь на руки и поцеловал.

— Разве ты не хочешь узнать, какие подарки тебе приготовили, моя драгоценность?

Зенобия хихикнула и с озорным выражением взглянула на своего обожаемого отца.

— Конечно, хочу, папа, но мама сказала, что я не должна спрашивать, пока мне их не предложат.

Забаай бен Селим не смог удержаться.

— Али! — взревел он. — Веди сюда подарок ко дню рождения моей дочери.

В открытый внутренний двор вошел любимый раб отца Зенобии, ведя за собой изящную, горячую, гарцующую серую кобылу в уздечке из красной кожи с позвякивающими на ней медными бубенчиками. На ней было маленькое седло, подходящее по размерам для девочки.

Зенобия онемела от изумления и восторга. Ничего ей так не хотелось иметь, как свою собственную красивую арабскую лошадь. Последние шесть месяцев она много раз довольно прозрачно намекала на это своему отцу.

— Ах, папа! — наконец прошептала она.

— Значит, она тебе нравится? — поддразнивал свою единственную любимую дочь Забаай бен Селим.

— О да! Да, папа! Да!

— Забаай, но ведь ты ничего не сказал мне! Лошадь? Но ведь девочка еще совсем маленькая! — Ирис казалась обеспокоенной.

— Не беспокойся, любовь моя! Эту кобылу вырастили послушной. Обещаю, все будет хорошо.

Тамар положила свою нежную руку на плечо Ирис и тихим голосом произнесла:

— Не оберегай ее чрезмерно, Ирис! Вряд ли такое воспитание пойдет ей на пользу. Женщин племени бедави воспитывают сильными и независимыми!

— Я хочу покататься на ней сейчас же! — воскликнула Зенобия.

Забаай поднял дочь и посадил ее на спину кобылы. Она сидела горделиво, словно была рождена для того, чтобы сидеть в седле.

— Поехали, Акбар! Я буду соревноваться с тобой! — бросила Зенобия вызов наследнику отца.

— Я должен звать свою лошадь! — запротестовал он, изумленный.

— Ну так поспеши! — поддразнила она и быстро выехала через ворота внутреннего двора.

В тот год, когда Зенобии исполнилось одиннадцать лет, она решила, что не отправится со своей семьей в традиционные зимние скитания. Пальмира вдруг стала для нее необычайно приятательным местом. Как она любила этот город с его улицами, огромными храмами, широкими, вымощенными мрамором аллеями, с его великолепными, богатыми рынками! У каждого из этих рынков был свой, непохожий на другие и неповторимый запах: дубящейся кожи, духов, мокрой шерсти, которую подготавливают для прядения и крашения, чанов для окрашивания шелка, скота; пряностей и всевозможной экзотической пищи. Зенобия просто не смогла бы вынести нового расставания с этим городом!

С упрямой решимостью она спряталась и теперь радостно поздравляла себя, убежденная, что ее не найдут.

— Зенобия! — Голос Тамар эхом отдавался по пустому

— Зе-но-би-я! Где ты, дитя? Ну, иди же, сколько можно прятаться от нас! Путешествие уже началось!

— Зенобия, ты ведешь себя глупо! — Голос Ирис все больше наполнялся раздражением.

— Иди сейчас же к нам!

Тихонько посмеиваясь, девочка скорчилась под огромной кроватью в спальне своего отца. Нет, в этом году она не хочет проводить зиму в этой проклятой пустыне! Только одни боги знают, как она ненавидит ее! Мили, мили и мили бесконечного песка! Длинные, скучные дни, голубое небо, безоблачное и неподвижное, словно каша. Она даже фыркнула от отвращения.

И эти козы! В то время как лучшая ее подруга Юлия Туллио проводила восхитительный зимний сезон в Пальмире, ходила в театры и на игры, она, Зенобия бат Забаай, вынуждена пасти этих бессловесных, вонючих коз! Это просто возмутительно! Бедави измеряли богатство человека количеством скота, которым он владел, а у ее отца было очень много стад. Но как же невыносимо всю зиму гоняться за этими глупыми, норовистыми козами!

Лишь ночи в пустыне очень интересные. Она любила то время, когда небо темнело и покрывалось звездами. Некоторые из них были такие яркие и большие, что казалось, до них можно дотронуться. Отец научил ее читать звезды, и она знала, что, пока есть звезды на небе, она сможет найти обратный путь в Пальмиру даже из подземного царства Гадес.

— А, Зенобия! Так вот ты где!

Тамар протянула руку и вытащила девочку из-под кровати.

— Нет! — яростно сопротивлялась Зенобия. — Я не поеду! Я ненавижу эту пустыню! Ненавижу!

— Не будь глупенькой! — терпеливо отвечала ей Тамар. — Ведь ты — бедави, а пустыня — это наш дом. А теперь поедем, Зенобия! Ты же моя хорошая девочка! — И Тамар подняла ее на руки.

Но дерзкая девчонка вырвалась, и глаза засверкали недобрым огнем.

— Я бедави только наполовину, но даже эта моя половина не любит пустыню!

Тамар рассмеялась. Это правда, и в самом деле ей не в чем обвинять Зенобию. Она еще такая юная, и город манит ее к себе. Подошла Ирис, и Зенобия бросилась к своей прелестной матушке.

— Я не хочу ехать, мама! Почему мы не можем остаться здесь? Мы обе? Папа не будет возражать. Театральный сезон как раз начинается, и Юлия говорит, что этой зимой выступает прекрасная группа танцоров и актеров из Рима.

— Наше место — рядом с твоим отцом, Зенобия!

Ирис никогда не повышала голос, но тон его не оставлял сомнений в безусловности повиновения. Она погладила темную головку своего ребенка. Какой красавицей становится эта крошка, и как сильно она, Ирис, любит ее!

— А нельзя ли мне остаться с Юлией? Ее мама согласна. Неужели так необходимо, чтобы я пасла коз! — сделала Зенобия последнюю отчаянную попытку.

— Да, Зенобия! — последовал твердый и спокойный ответ.

Однако едва заметная улыбка задрожала в уголках губ Ирис. «Бедная Зенобия», — подумала она. Теперь она знает, что чувствует ее дочь. Надо молчать, ведь сочувствие лишь подталкивает к бунту. Ирис тоже ненавидела пустыню, но за все эти годы она ни разу не призналась в этом вслух. Пустыня — часть жизни ее мужа, и, выйдя за него замуж, она приняла ее. Она протянула дочери руку.

— А теперь пойдем, моя дорогая! Пойдем без дальнейших препирательств. Караван уже успел далеко уйти, а ведь ты знаешь, как я не люблю скакать галопом на верблюдах! Ты же не хочешь, чтобы меня стало тошнить от тряски. Ну, пойдем же!

— Да, мама. — Зенобия вздохнула, побежденная.

Они направились к двери, как вдруг услышали на лестнице за дверью спальни звуки чьих-то шагов. Тамар окаменела, почувствовав опасность. Потом, оттащив Зенобию от матери, толкнула девочку под кровать с ярко-красными атласными занавесями.

— Оставайся здесь! — торопливо прошипела она. — И что бы ни случилось, не вылезай отсюда, пока я не скажу! Ты поняла меня? Не вылезай, пока я не позову тебя!

Прежде чем Зенобия могла выразить протест, дверь спальни рывком распахнулась. Из своего укромного места она не могла видеть, как в комнату ворвался отряд римских солдат.

Тамар быстро выступила вперед и сказала:

— Доброе утро, центурион!* Чем я могу быть вам полезна?

Центурион дерзко рассматривал ее, думая, что у этой женщины красивая фигура и большие мягкие груди, она выглядит чистой и здоровой.

— Чей это дом? — спросил он.

Тамар поняла его взгляд. Она молилась о том, чтобы ей удалось сохранить спокойствие.

— Это дом Забаая бен Селима, военачальника племени бедави, центурион. Разрешите мне представиться — Тамар бат Хаммид, старшая жена Забаая бен Селима, а эта, другая госпожа, — вторая жена моего господина, Ирис бат Симон.

* Центурион — командующий центурией, подразделением римского войска, состоявшим из ста или менее воинов.

— Почему вы одни? Где слуги? — Голос центуриона звучал высокомерно.

— Я вижу, вы недавно в Пальмире, центурион. Бедави проводят в Пальмире лишь половину года. Другую же половину мы кочуем в пустыне. Мой муж уехал всего несколько минут назад.

Мы с Ирис проверяем, все ли в порядке. Ведь нельзя полагаться на рабов.

На минуту она сделала паузу, надеясь, что центурион удовлетворится и позволит им уйти. Однако, видя, что его намерения все еще не изменились, она решилась перейти в атаку.

— Могу ли я спросить, почему вы вошли в этот дом, центурион? Это не в обычаях римской армии — входить в частные дома в дружественном городе. Мой муж — глубокоуважаемый гражданин этого города, почитаемый всеми, кто его знает. У него есть римское гражданство, центурион, и он лично знаком с губернатором. Я также скажу вам, что Забаай бен Селим приходится двоюродным братом правителю этого города, князю Оденату.

Центурион сказал, не глядя на нее:

— Когда мы проезжали мимо, ворота были широко распахнуты, и так как мы увидели, что дом пуст, то решили проверить, не грабят ли разбойники собственность римского гражданина.

Он лгал, и оба они знали это. Когда Забаай уехал, он крепко запер за собой ворота. Тамар стало страшно, но она знала, что если покажет свой страх, то этим только побудит этих людей совершить то злодейство, которое они задумали.

— Римляне, как всегда, хранители мира. Я расскажу моему господину Забааю о вашей заботе, центурион. Ему будет очень приятно услышать это, — сказала Тамар, и ее голос звучал твердо и искренне.

Она повернулась к Ирис, которая, нервничая, стояла позади нее.

— Пойдем, Ирис! Мы должны поспешить, чтобы встретиться с нашим господином Забааем. Верблюды стоят в стойлах, центурион. Не будет ли один из ваших людей так добр привести их?

— А откуда мне знать, что вы действительно те, за кого себя выдаете? — сказал центурион. — Может быть, вы воровки, и тогда у меня и у моего командира будут неприятности.

Кольцо мужчин все теснее смыкалось вокруг них.

— Мой господин Забаай, его жены и вся его семья хорошо известны римскому губернатору города! — угрожающе повторила Тамар.

Теперь она не на шутку испугалась. Тамар поняла, что эти люди не легионеры, а иностранные наемники, варвары, завербованные в галльских и германских племенах, из-